

THE PROBLEM OF VOLGA REGION ISLAMIZATION IN THE WORKS OF SHIHABADDIN MARDJANI

Azat Akhunov

aakhunov@rambler.ru

Among the 19th century Tatar historians Shihabaddin Mardjani (1818-1889) can be named as a pioneer of the historical science in the European sense. More than 30 works devoted to various subjects of Islamic theology belong to his pen. There are historical ones among his works. Sh. Mardjani's contribution to human sciences was so significant that his works were recognized even during the Soviet era. While the rest of Tatar pre-revolutionary period (until 1917) legacies were under the ban, Mardjani was presented as a historian without mentioning his achievements in Islamic sciences. In our research we are examining the topic of Islamization of the Volga area in Mardjani's works. As it is known, the official date of adoption of Islam by Tatar ancestors, i.e. Bulgarians, was in year 922 according to Christian calendar. However, some Tatar historians of 18th-19th centuries (e.g. Hisamaddin Muslimi, Tajaddin Yalchigul) argued that Islam has already been practiced in the Volga region in the first centuries of Islam, while the first missionaries were the Companions of the Prophet Muhammad. Shihabaddin Mardjani criticized them for using unreliable information and sources in their works. According to Mardjani the Islamization of the Volga region happened at the same time as Arabs entered Spain at the beginning of 8th century, while in Bulghar Islam appeared in the 8th-9th centuries. In Mardjani's opinion, the final acceptance and strengthening of Islam in the region happened during Uzbek Khan reign over the Golden Horde (1313-1342).

Keywords: *Shihabaddin Mardjani (1818-1889), Tatarstan, Kazan, Islam in Russia, The Islamization of Volga area, History of Tatar, Tatar theology, Turkish-Tatar Social Thought.*

Leading Researcher,
G. Ibragimov Institute of Language,
Literature and Art, Tatarstan
Academy of Sciences
Azat Akhunov

ПРОБЛЕМА ИСЛАМИЗАЦИИ ПОВОЛЖЬЯ В ТРУДАХ Ш. МАРДЖАНИ

Азат Ахунов

aakhunov@rambler.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.24848/islmlg.09.01.11>

Среди татарских ученых XIX века Шихабалдин Марджани (1818–1889) занимает особое место как зачинатель татарской исторической науки в европейском понимании этого слова. Его перу принадлежит свыше 30 трудов, посвященных различным проблемам мусульманского богословия, среди которых имеется ряд работ исторического характера. Вклад Ш. Марджани в гуманитарную науку был настолько велик, что его исторические труды были признаны даже в советское время, хотя остальное наследие татарского ученого оставалось под запре-

---

Азат Ахунов

*В.н.с. Института
языка, литературы
и искусства
им. Г. Ибрагимова
Академии наук РТ
(г. Казань)*

том. О Марджани говорили исключительно как об историке, без упоминания его достижений в области исламских наук. В нашей статье рассматривается вопрос исламизации Поволжья и отражение этого вопроса в трудах Ш. Марджани. Как известно, официальной датой принятия ислама предками татар — волжскими булгарами стал 922 год по европейскому летоисчислению. Хотя в книгах таких татарских историков XVIII–XIX веков, как Хисамеддин Муслими и Таджеддин Ялчыгул, говорится о том, что ислам получил распро-

странение в Поволжье в свои первые века, а первыми миссионерами, якобы, были сподвижники пророка Мухаммада, Шихабалдин Марджани подверг этих авторов беспощадной критике за ненадежность приведенных в их книгах сведений и источников. Начало исламизации Поволжья, согласно Марджани, произошло в то время, «когда арабы завоевали Испанию», т.е. в начале VIII века, а к булгарам ислам проник в VIII–IX веках. По мнению татарского ученого, окончательное утверждение и укрепление ислама в Поволжье произошло в период правления золотоордынского хана Узбека в 1313–1341 гг.

Ключевые слова: Шихабалдин Марджани, Татарстан, Казань, история ислама в России, история татар, татарская теология, тюрко-татарская социально-философская мысль.

ВСТУПЛЕНИЕ. МАРДЖАНИ КАК ИСТОРИК

Шихабалдин Марджани является автором свыше 30 томов фундаментальных трудов, посвященных различным вопросам мусульманского богословия, а также истории татарского и других тюркских народов. Его интерес к истории был продиктован, в первую очередь, традицией энциклопедизма, сложившейся в арабо-мусульманской науке еще в Средние века, которой Марджани следовал, считая себя неотъемлемой частью этой цивилизации. Знакомство с различными отраслями знаний

в противовес специализации объяснялось пониманием науки как единого целого, в котором одни процессы вытекали из других и были тесным образом связаны друг с другом. Кроме того, его волновали вопросы национальной самоидентификации, размытые и неясные в то время в силу практически полной утраты татарского интеллектуального наследия. Большинство татарских ученых XIX — нач. XX вв. так или иначе обращались к исторической теме, считая это важной частью своих научных штудий.

Его первый исторический труд «*Гирфат ал-хавакин ли-‘ирфат ал-хавакин*» («Горсточка знаний о познании хаканов») был издан в Казани в 1864 г. Книга была посвящена прошлому Туркестана X–XII вв. и, видимо, была написана под впечатлением исторических трактатов, изученных им в период учебы в Бухаре и Самарканде. Эту книгу можно было воспринимать как своего рода прелюдию к последующим историческим трудам Марджани. Речь в ней шла о важном для истории татар времени исламизации Поволжья. Тем более что татарское прошлое невозможно было рассматривать вне общетюркского контекста. В целом, книга «Гирфат ал-хавакин...» стала этапной, в том числе и для европейского востоковедения, поскольку до этого времени отрывочные сведения можно было получить лишь из книги турецкого ученого Мунеджим-баши «*Сахаиф ал-ахбар*» («Страницы сообщений»). Как отмечал казанский историк Р.У. Амирханов, «вплоть до выхода в начале XX в. книг В.В. Бартольда («*Туркестан в эпоху монгольского нашествия*», «*Очерк истории Семиречья*» и др.) работа Ш. Марджани «Гирфат ал-хавакин...» являлась одной из лучших по названной проблематике и давала довольно полные сведения о династии западных уйгуров, о Караханидах» (Амирханов, 2000, с. 70–71).

Другой важный исторический труд Ш. Марджани — «*Гилалат аз-заман фи-т-тарихи Булгар ва Казан*» («Завеса времени, прикрывающая историю Булгара и Казани»). В нем ученый собрал сведения из тронных речей правителей Золотой Орды, а также из предисловий богословских трактатов, посвященных различным ханам. Впервые это сочинение было опубликовано как в оригинальном изложении, так и в переводе на русский язык в трудах IV Всероссийского археологического съезда в 1878 г.

Позже приведенные в «Гилалат-аз-заман...» исторические факты вошли в один из самых важных трудов Ш. Марджани — «*Мустафад ал-ахбар фи ахвал Казан ва Булгар*» («Сведения, привлеченные для истории Казани и Булгара») (Амирханов, 2000, с. 71). При написании книги ученый опирался на достоверные и проверенные временем источники. Среди них работы таких авторитетов мусульманской научной мысли, как Ибн Руста, Ибн Хаукаль (X в.), Абу Нугайм, ал-Бекри (X–XI вв.), Идриси, Абу Хамид ал-Гарнати, Закария Казвини (XII–XIII вв.), Ибн Халдун, Ибн Баттута (XIII–XIV вв.) и др. Также татарский ученый активно использовал русские источники — летописи и старопечатные книги. Большое внимание в книге было уделено древним татарским легендам и преданиям, Марджани относил их к важным источникам, достойным самого пристального внимания.

ВОПРОС ОБ ИСЛАМИЗАЦИИ ПОВОЛЖЬЯ В ТРУДАХ МАРДЖАНИ

В «Мустафад ал-ахбар» Марджани впервые поднимает вопрос об исламизации булгар, сыгравших важную роль в этногенезе современных татар. Ученый не отказывается от самых противоречивых, порой легендарных версий. Для него они важны своей оригинальностью и автохтонностью. К таким локальным сюжетам он относит полумифические истории об Александре Македонском, которого в восточной традиции

часто сравнивали с кораническим Зу-л-Карнайном. Например, он пишет, что Булгар мог быть основан великим полководцем еще за два с лишним века до Рождества Христова («...Искандәр Макидуни бинасы димәк лә мәзкүрдәр. Миләд-е Гайса галәйһи сәләмдән ике карындан зияде мөкаддәм бина идулеб...») (Мәржани, 1897, б. 8).

И в этом Марджани не был оригинален. Еще до него, в тех редких, дошедших до нас исторических источниках, а больше всего в татарской устной традиции, исламизация Волжской Булгарии неразрывным образом была связана с фигурой легендарного Зу-л-Карнайна. Конечно, в данном случае мы сталкиваемся с обычной интерполяцией известной коранической истории на татарскую почву. Точнее, ее переработкой в иранской среде, которая, обретя ряд новых сюжетных линий, проникла в тюрко-татарскую среду вместе с персидской литературой примерно в XI–XII вв.

Не совсем понятно отношение Марджани к этой легенде, поскольку он не подвергает ее критическому осмыслению. Но то, что он называет Александра Македонского его европейским именем, указывая при этом близкие к реальным годы жизни полководца (356 г. до н.э. — 323 г. до н.э.), говорят о том, что речь шла именно об Александре Македонском, а не о Зу-л-Карнайне. И Марджани должен был понимать, что в период жизни и деятельности Македонского не могло существовать ни Волжской Булгарии, ни более древней Великой Булгарии Кубрата.

На наш взгляд, здесь произошло смешение исторического и фольклорного. К тому времени в татаро-мусульманской среде образ Македонского слился с образом коранического персонажа Зу-л-Карнайна и от исторической действительности почти не осталось следа. Легенды, повествующие о том, что Александр Македонский/Зу-л-Карнайн мог посетить Поволжье во время одного из своих походов, широко бытовали в татарской среде. Но в татарских источниках македонский царь никогда не назывался своим настоящим именем. Как было уже сказано выше, в отношении него использовалось кораническое имя «Искандер Зу-л-Карнайн». При этом описываемые в источниках деяния Зу-л-Карнайна, как правило, не совпадали с конкретными историческими событиями, к которым был причастен реальный Александр Македонский. Например, в известном татарском дастане «Бүз егет» («Непорочный юноша»)¹ он изображается в качестве великого завоевателя и «справедливого хана», который покинул этот мир в 29 лет, не найдя «вечной воды» (Әхмәтова, 1984, б. 325–327). Трансформация и мифологизация образа Македонского хорошо видна на примере одного из татарских преданий, которое записал в XIX казанский ученый К.Ф. Фукс (1776–1846). В нем упоминался некий Кассир-шах — ученик пророка Гайсы (*Иисуса*. — А.А.), который выстроил Булгар за девяносто лет. При этом сам шах был отцом философа Сократа, который, женившись на девушке из Булгара, вместе с Искандером Зу-л-Карнайном девять месяцев жил в этом городе (Закирова, 2000, б. 12–13). Как видим, эта легенда, хотя и имеет мусульманские корни, настолько мифологизирована, что приобрела черты волшебной сказки.

По сути, Марджани был продолжателем средневековой арабо-мусульманской традиции. Его мышление было иным — более творческим, менее рациональным и логичным в сравнении с европейскими учеными. Он не отбрасывал легенды и мифы, которые считал, наряду с «книжными», вполне релевантными источниками, достойными попасть в его исторические штудии.

1. Написан в 1842 г. в Уфе татарским поэтом Бахави на основе древнего персидского рассказа. Позже многократно переиздавался, бытовал в письменной и устной форме.

Позже, по мере проникновения к татарам европейских научных традиций, менялось и понимание образа Македонского/Зу-л-Карнайна. Например, в начале XX в. выдающийся татарский философ-богослов Муса Бигиев (1873–1949) призывал не сравнивать эти фигуры, поскольку от интерпретаций в пользу «язычника Александра сына Филиппа» теряется величие Корана, расшатывается принцип единобожия (Бигиев, 1933, б. 19). Известный исламовед М.Б. Пиотровский, наоборот, полагал, что речь идет об одной и той же фигуре, что Зу-л-Карнайн был известен еще доисламским поэтам и что «нет серьезных оснований сомневаться в том, что для Корана прозвище это связано с Александром Македонским, но, конечно, сказочным, а не историческим» (Пиотровский, 1991, с. 149).

Как наиболее точно заметила литературовед Е.В. Косолобова, «когда мы сталкиваемся с историей жизни великого человека, очень трудно разделить реальную историю и миф, потому что чем более знаменита личность, чем более грандиозны ее дела, тем быстрее она мифологизируется в сознании людей. И вот уже две с лишним тысячи лет невозможно сказать, где заканчивается Александр — реальный человек и где начинается Александр — миф. Но если мы хотим составить наиболее полное представление о миссии и личности царя, нам следует опираться и на историю, и на миф. Подобно тому, как существуют два полушария головного мозга — рациональное и творческое, существуют историческая и мифологическая традиция, и мы не можем обойтись без обеих» (Косолобова, 2000, с. 8).

Таким образом, версию исламизации Поволжья Македонским/Зу-л-Карнайном Марджани оставляет на суд читателя. Более определенно татарский ученый говорит о другом времени. Он пишет, что проникновение ислама в Булгар произошло «... после [исламизации] Андалусии, возможно, в тот же самый век», т.е. примерно в VIII–IX веках. И речь идет не об условной «стране Булгар», которая, по мнению ученого, в древние времена расстилала свои границы «от Дербента до Уральских гор», а конкретно о городе Булгар. Этот город, согласно мнению ученого, был одним из первых в Европе крупных центров цивилизации, уступая лишь таким городам, как Константинополь (Мәржани, 1897, б. 8). Автор «Мустафад...» полагал, что окончательная исламизация этих земель произошла в период правления золотоордынского хана Узбека (1313–1341) (Мәржани, 1897, б. 14).

Как известно, распространение ислама в Волго-Уральском регионе началось после 737 года в результате победоносных арабо-хазарских войн. Основное население Хазарского каганата исламизировалось, в том числе и часть соседних народов, среди которых были и булгары. В это время уже шел процесс переселения булгар с правобережья Среднего Дона на волжские земли. В X в. на Средней Волге было создано новое государство Волжская Булгария. В поисках сильного союзника, который смог бы защитить булгар от хазар, правитель Алмуш направил в 921 г. в Багдад официальное послание, в котором просил халифа наставить булгар в мусульманской вере, а также предоставить средства для строительства мечети (Даххан, 1960, с. 67). Халиф ал-Муктадир принял предложение и направил в Булгар посольство. В 922 г. при участии посланников халифа булгары официально приняли ислам (Измайлов, 2002, с. 610–611). Эти события были описаны в «Рисале» («Записках»), написанных секретарем багдадского посольства Ахмадом Ибн Фадланом.

Ибн Фадлан обнаружил, что жители Булгара в основной своей массе уже исповедовали ислам: в городе имелись мечети и медресе. 922 г. стал датой официального принятия ислама в Волжской Булгарии.

Это соответствует исторической действительности: ислам проник в Булгар, как минимум, на один-два века (VIII–IX вв.) раньше из относительно близкого Туркестана с торговцами и купцами, с учеными и странствующими дервишами. Как известно из «Записок» Ибн Фадлана, арабское посольство прибыло в Булгар через Туркестан — судя по всему, тогда это был наиболее надежный сухопутный маршрут. Его использовали и сами булгары, посещавшие Среднюю Азию с торговыми целями, а также транзитом по пути на Ближний Восток.

Таким образом, в плане определения начала исламизации Поволжья (VIII–IX вв.) Ш. Марджани был вполне точен, и высказанные им версии позже были подтверждены обнаруженными историческими источниками.

Говоря о синтезе реального и мифического, необходимо упомянуть и еще одну легендарную версию касательно времени исламизации Поволжья, которой также дал свою оценку Ш. Марджани. Согласно ей, предки татар приняли ислам еще при жизни пророка Мухаммада. Данная версия упоминалась еще в книге «*Нухбат ал-азхан фи аджаиб ал-булдан*» («Выборка воспоминаний о чудесах стран») Абу Хамид ал-Гарнати (1080–1169), дважды — в 1135–1136 и 1150 гг. посетившего земли волжских булгар.

Но наиболее полный и подробный вариант этой легенды нашел отражение в книге татарского ученого Таджеддина Ялчыгула (1768–1838) «*Таварих-е Булгарийа*» («История Булгара»). В ней излагается история о том, как в 9 году хиджры, когда в Булгаре правил Айдар-хан, пророк Мухаммад направил в этот город трех своих сподвижников: Абд ар-Рахмана б. Зубайра, Хантала б. Раби' и Зубайра б. Джа'да. Перед дорогой он дал каждому из них по одной вещи: Зубейру — чернильницу, Ханталу — посох, Абд ар-Рахману — чалму. С помощью этих предметов они вылечили дочь хана, после чего правитель Булгара и его народ приняли ислам. «В 12-м году хиджры, в год Овцы, в 26 день созвездия Рыбы, в 12 день благословенного Рамазана асхабы обратили булгарский народ в мусульманство» (Галяутдинов, 1998, с. 162–164).

Марджани раскритиковал эту «полную недостоверных фактов» историю в изложении Ялчыгула. Если бы она, по его мнению, произошла в реальности, то непременно попала бы в анналы мусульманской истории (Марджани, 1897, б. 51–52). Марджани также отмечал, что упомянутые в книге Ялчыгула имена асхабов были неизвестны ему, не нашел он упоминания о них и в авторитетных мусульманских источниках. Таким образом, Марджани делает вывод, что булгары не могли принять ислам 12 рамазана 12 года хиджры (20 ноября 633 г.) (Марджани, 1897, б. 52).

Но позже Марджани пишет, что некоторые сведения полуполюгендарного характера касательно этого сюжета все же сохранились. Например, он дает глухую ссылку на арабского историка Абу-л-Хасана 'Али ибн ал-Асира (1160–1233), который в своем трактате «*Ма'рифат ас-сахаба*» («Просветительская деятельность сподвижников пророка») упоминал человека по имени ал-Аслами, которому пророк Мухаммад лично вручил послание, «написанное на тюркском языке» (Марджани, 1897, б. 52–53). Марджани предположил, что оно могло быть предназначено хазарам или булгарам, которые в то время обитали относительно недалеко от арабских земель. Следовательно, по мнению татарского ученого, первые контакты предков татар — хазар и булгар могли произойти еще при жизни пророка Мухаммада.

Наряду с трудами таких видных средневековых авторов, как Ибн Фадлан и ал-Гарнати, Марджани использует и другие малоизвестные источники. Например, он дает отрывок из книги «*Раудат ас-сафа*» («Сад чистоты»), где говорится, что булгары «все

мусульмане-ханафиты». Также он дает отсылку на некую книгу «*Рисалат ал-интисаб*» («Трактат о родстве»), из которой следует, что болгары стали мусульманами в IX в.: «Булгар — земля мусульманских тюрков. Ислам они приняли еще во времена аббасидских халифов Ма'муна² и Васику³, а в годы правления ал-Каима⁴ по воле Аллаха число шатров⁵ составило 30 тысяч». Все эти примеры еще раз подтверждают мнение ученых о том, что болгары исламизировались задолго до 922 г.

Подводя итог этого раздела, можно завершить его высказыванием историка И.Л. Измайлова, который отметил, что «...подлинная история Булгарского государства и его династии, как политической общности начинается лишь после принятия ислама из рук посланцев Пророка. Отсюда следует, что, пока болгары сохраняют крепость веры, они будут непобедимы. Поэтому в мотив начала истории вплетаются наиболее важные этнополитические стереотипы: верность исламу, способность ради веры идти на войну с могущественным врагом, свободолюбие и желание независимости, а также непобедимость в войнах, освященных исламом. К числу этих стереотипов надо отнести и единство народа, причем не только генетическое, сколько духовное. Иными словами, этнокультурное становление болгар связывается с их превращением в «новый» — мусульманский и, следовательно, цивилизованный народ» (Измайлов, 2000, с. 103). Также И.Л. Измайлов отмечает, что трудно определить время возникновения легенд о принятии ислама болгарскими и их закреплении в историографической традиции. Тем не менее, он предполагает, что они сложились в период X–XII вв., когда на всей территории Булгарии исчезли языческие могильники и начала складываться единая этноконфессиональная общность (X в.) и появилась «История Булгарии» (XII в.) — «наиболее последовательное воплощение самосознания болгарского этноса» (Измайлов, 2000, с. 105).

Исламизация Поволжья в свете дискуссий о правомерности ночного намаза (ясту). Позиция Ш. Марджани

С проблемой исламизации Волжской Булгарии также связан вопрос о правомерности совершения пятого намаза. Еще Ибн Фадлан в своей «Рисале» отмечал, что из-за расположения Булгарии в северных широтах местные жители вынуждены совмещать его с предпоследним — четвертым намазом (*ахшам*). Проблема заключается в том, что пятый намаз необходимо совершать после заката между вечерней и утренней зарей (примерно через час или полтора как наступит темнота). Но в северных широтах в короткие летние ночи полная темнота не наступала, сразу начиналось утреннее зарево.

Об этом еще в 1550 г. в своей книге «*Зафер-наме-и вилайет-и Казан*» («Книга побед Казанского края») писал татарский поэт из Астрахани Шериф Хаджи-Тархани: «...Булгарский вилайет, из-за чересчур близости к Северному полюсу, в конце мая и начале апреля не имеет времени одного намаза из пяти, то есть намаза ясту. Потому что заря нисподобна зареву в присутствии двух имамов. Так же, как указано в книгах «Эл-Кенз», «Эл-Вафи» и «Эл-Кафи», чуть раньше перед ее [зари] исчезновением в это указанное время настает время утреннего намаза, то есть истинного утра. По этой причине для этого народа намаз ясту необязателен» (Шерифи, 1995, с. 87).

2. Годы правления: 813–833 гг.

3. Годы правления: 842–847 гг.

4. Годы правления: 1031–1035 гг.

5. Как пишет татарский историк Гайнетдин Ахмеров: «В далеком прошлом болгары были степным народом: летом они жили в шатрах, зимовали же в деревянных домах» (Ахмеров, 1998, с. 43).

Эта проблема поднимается и в книге «*Таварих-е Булгарийа*» («История Булгара») Шарафеддина ибн Хисамеддина ал-Муслими⁶. Автор приводит любопытную интерпретацию этого вопроса, которая позволяет сделать предположения о характере исламизации Поволжья, связанной с позицией различных правовых школ в исламе. Что касается Волго-Камского региона, то если сейчас здесь среди подавляющего числа мусульман распространен ханафитский толк, то в первые годы ислама равноправно функционировали как ханафитский, так и шафиитский мазхаб, принесенный сюда багдадским посольством в X в. Муслими в своей книге пишет о некоем Хисамеддине ибн Ибрагиме, который получил богословское образование в Хорезме или Багдаде и, вернувшись на родину, издал три фетвы по разным богословским вопросам, в т.ч. и по проблеме намаза ясту. По мнению Хисамеддина ибн Ибрагима и согласно «шафиитскому мазхабу этот намаз необходимо исполнять через час после захода солнца» (Мөслими, 1999, б. 31).

Видимо, автор фетвы опирался на шафиитскую традицию, по которой Коран и Сунна рассматриваются как единый источник, при этом Сунна только дополняет Коран и не дает параллельного материала для сравнения и выведения среднего решения. Упомянутый Хисамеддин ибн Ибрагим обращается к багдадским улемам с просьбой прокомментировать три его фетвы и дать богословское заключение, а конкретно к имаму Абу Йусуфу (Мөслими, 1999, б. 31). Интересно, что эта болгаро-багдадская переписка случилась, по мнению Муслими, в годы правления Харуна ар-Рашида, т.е. в конце VIII — начале IX вв., что дает повод думать об исторической интерполяции. В итоге имам Абу Йусуф присылает ответ, в котором говорится, что вопросы, связанные с теми или иными региональными особенностями, должны решаться в рамках своих мазхабов и что «вы в своей стране Булгар должны поступать так, как считаете нужным» (Мөслими, 1999, б. 31).

Марджани также уделял этому вопросу самое пристальное внимание и позже даже написал отдельную книгу «*Китаб назурат ал-хакк фи фардийат ал-'иша ва ин лам йагиб аш-шафак*» («Взгляд на истину о необходимости молитвы ясту, даже если не наступают сумерки». Казань, 1870). Ему удалось обнаружить еще одну фетву, относящуюся к XI в. Он приводит ее в своей книге «*Мустафад ал-ахбар...*»: «Наджм ад-дин Захиди в комментарии к «*Мухтасар ал-Кудури*» рассказывает со слов своего учителя Фахр ад-дина Бади ибн ал-Мансур ал-Казини следующее: «До нас дошло [известие] о том, что жители Булгара спросили решение по поводу ночной молитвы у шейха Сайф ас-Сунна ал-Баккали. Они заявили: «В нашей стране летом в длинные дни не гаснет вечерняя заря, не наступает время для ночной молитвы. Обязательна ли для нас ночная молитва при таком положении?» Тот [Баккали] дал фетву: «Раз не наступает время, то для вас отпадает [необходимость отправлять] ночную молитву». Это известие дошло до Шамс ал-имма ал-Халвайи, [живущего] в Бухаре. Тот, считая совершенно невозможным, чтобы [Баккали] дал такую фетву, послал одного из своих учеников в Хорезм. Он велел [ученику], чтобы тот спросил об упомянутой фетве Баккали перед всеми [жителями] Хорезма, великими и малыми, и показал бы ошибку [Баккали, сказав]: «Не является ли неверным тот, кто отрицает одну из пяти молитв, то есть тот, кто считает [ее] необязательной?» Ученик его [Халвайи] отправился [в Хорезм] и спросил об этом у Баккали. Шейх Баккали, узнав о намерении ученика,

6. Текст «Таварих-е Булгарийа» предположительно датируется кон. XVIII — нач. XIX в. Согласно самому тексту, он написан в 1551–1584 гг. в местности Ташбильги (ныне в Алькеевском районе Республики Татарстан).

спросил: «Сколько условий для тахарата?». Ученик ответил: «Четыре». Баккали сказал: «Если у кого-либо отрезаны обе руки выше локтя, сколько для того необходимых условий для тахарата?» Ученик ответил: «В таком случае три». Баккали сказал: «Так же обстоит дело и в вопросе об этой [ночной] молитве». Когда ученик Халвайи рассказал последнему об этом ответе Баккали, [Халвайи] весьма одобрил [его] и счел удачным» (Салахетдинова, 1994, с. 175).

М.А. Салахетдиновой в фондах Института востоковедения РАН удалось обнаружить аналогичный цитированному текст в двух персидских рукописях, посвященных юридическим вопросам. В первом сборнике нет указаний ни на автора, ни на составителя, ни на дату и место написания. По бумаге и почерку М.А. Салахетдинова относит время его переписки ко второй половине XVII в. Автором второго манускрипта указан Мир Хабибулла ибн Кази Джалал ал-Хусейни, годы жизни которого неизвестны. Сама рукопись была переписана в месяце рамазан 1176 г. (март-апрель 1763 г.). Что важно, автор указывает конкретные источники, на которые он опирался, обосновывая возможность пропуска ночной молитвы в стране болгар. Это, в первую очередь, комментарии различных авторов к известному сочинению по мусульманскому законоведению «*Викайя ар-ривайя фи-насади ал-хидайя*» Мухаммада ибн Ахмада ал-Махбуби Тадж аш-шари'а (жил около 700–1300 г.).

М.А. Салахетдинова также пишет, что Марджани сомневался в правдивости сообщения Наджм ад-дина Захиди об упомянутой выше фетве. «Он считал, что такое важное решение, как пропуск одной из пяти молитв, обязательных для каждого мусульманина, должно было бы быть вынесено лишь на основании четырех «корней» мусульманского законоведения: 1) Корана; 2) Сунны; 3) иджмы; 4) кияса. Сравнение, которым пользовался Баккали, чтобы обосновать пропуск ночной молитвы, Марджани посчитал неудачным и ошибочным, а самого Баккали — не заслуживающим внимания от того, что о нем нет упоминания ни в исторических трудах, ни в сочинениях, посвященных биографиям законоведов. Марджани рассказывает, что авторы, писавшие после Наджм ад-дина Захиди, отождествляли этого Баккали с известным автором VI/XII века Абу-л-Фазлом Мухаммадом ибн Абу-л-Касим ал-Баккали, имевшим почетное прозвание Зайн ал-Машаих (ум. 566/1170–71 или 586/1190), автором сочинений по мусульманскому законоведению и теологии» (Салахетдинова, 1994, с. 175–176).

В итоге в 1870 г. в своем вышеупомянутом трактате «*Китаб назурат ал-хакк...*» Ш. Марджани четко обосновал необходимость исполнения пятого намаза при любых условиях и в любых географических широтах (Мәржани, 2001).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы видим из вышеприведенных примеров, Шихабaddin Марджани еще не был готов сделать окончательные и однозначные выводы относительно времени начала исламизации Поволжья. Он колебался между разными датами: от VII до IX–X веков. И это понятно, ведь современная ему европейская наука также еще не обладала всем корпусом надежных источников, данных археологии. В этом отношении Марджани сделал большой прорыв. Он использовал большое количество письменных документов, часть из которых не дошла до нас, сделал их подробный историографический обзор. Тем самым он подготовил основу для будущих исследований. Он прибли-

зился к определению точных, уже доказанных современной исторической наукой дат, отвергал различные полумифические и сказочные версии.

Марджани как историк много размышлял о том, почему татары имели свою государственность, но не смогли удержать ее. Что касается Волжской Булгарии, то причину упадка этого государства он видел во внутренних конфликтах, а также в нашествии монголов.

Марджани был воспитан в традициях мусульманской историографии, поэтому он следовал своим предшественникам, цитировал и повторял их, но еще не мог подвергнуть их выводы критическому осмыслению.

Он общался с русскими учеными-востоковедами, изучая русские исторические труды, поэтому в его сочинениях мы видим и европейский подход, желание систематизировать и проанализировать полученные им данные.

Так или иначе, Марджани важен для нас не только как ученый-богослов, но и как ученый-историк, который своими, несомненно ценными и оригинальными, трудами внес большой вклад в дело изучения прошлого тюркских народов Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Р.У. (2000). Татарская историография: востоковедческо-тюркологические аспекты. *Научный Татарстан*, 3, 70–74.
- Ахмеров Г. (1998). *Избранные труды*. Казань.
- Әхмәтова Ф.В. (1984). *Татар халык иҗаты. Дастаннар*. Казан: Тат. кит. нәшр.
- Бигиев М. (1933). *Корьән Кәрим аять кәримәләренең можжиз ифадаләренә күрә Йажуж-Мажуж*. Берлин.
- Галяутдинов И.Г. (1998). «Тарих нама-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова. (Лингвотекстологический анализ списков памятника. Грамматический очерк, лексика, сводный текст и перевод). Уфа: Китап.
- Даххан М.С. (1960). *Рисалат Ибн Фадлан*. Дамаск.
- Закирова И.Г. (2000). *Народное творчество булгарского периода*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Казань.
- Измайлов И.Л. (2000). Волжская Булгария. В: *Татарская энциклопедия Т. 1*. Казань: ИЭ АН РТ. С. 610–611.
- Измайлов И.Л. (2002). «Начала истории» Волжской Булгарии в предании и исторической традиции. В: *Древнейшие государства Восточной Европы*. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. С. 99–105.
- Косолобова Е.В. (2000). Великий Александр: история одного мифа. В: *Александр Великий в легендах и исследованиях Востока и Запада*. Москва: Алетейя. С. 7–18.
- Мәрҗани Ш. (1897). *Әл-кысм ал-әүвәл мин китаб «Мөстәфад әл-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар»*. Казан: Типография Б.А. Домбровского.
- Мәрҗани Ш. (2001). *Назурат ал-хакк фи фардийат ал-‘иша ва ин лам йагиб ашшафак*. Казан: Иман.
- Мөслими. (1999). *Тәварихы Болгария (Болгар тарихы)*. Казан: Иман.
- Пиотровский М.Б. (1991). *Коранические сказания*. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы.
- Салахетдинова М.А. (1994). Путешествие Ибн Фадлана и один мусульманский обряд у волжских булгар. В: *Страны и народы Востока. Вып. XXVIII. География. Этнография. История. Культура*. СПб: Центр «Петербургское востоковедение. С. 173–178.
- Шерифи Х. (1995). Зафер наме-и вилайет-и Казан. *Гасырлар авазы-Эхо веков*, 1, 83–92.

REFERENCES

- Akhmerov G. (1998). *Izbrannyye trudy*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo (in Russian).
- Amirkhanov R.U. (2000). Tatarskaya istoriografiya: vostokovedchesko-tyurkologicheskie aspekty. *Nauchniy Tatarstan*, 3, 70-74 (in Russian).
- Bigiev M. (1933). Koran Kerim ayat kerimelereneng mogjiz ifadelerene kure Yejuj-Mejuj. Berlin. (in Tatar).
- Dakhkhan M.S. (1960). *Risalat Ibn Fadlan*. Dimashq. (in Arabic)
- Ekhmetova F.V. (1984). *Tatar khalyk ijaty. Dastannar*. Qazan: Tatar kitap neshriyety. (in Tatar).
- Galyautdinov I.G. (1998). «*Tarikh nama-i bulgar*» *Tadzhbetdina Yalsygulova. (Lingvotekstologicheskiy analiz spiskov pamyatnuka. Grammaticheskiy ocherk, leksika, svodniy tekst i perevod)*. Ufa: Kitap (in Russian).
- Izmaylov I.L. (2000). Volzhskaya Bulgariya. In: *Tatarskaya entsiklopediya T. 1*. Kazan: IE AN RT. pp. 610-611 (in Russian).
- Izmaylov I.L. (2002). «Nachala istorii» Volzhskoy Bulgarii v predanii i istoricheskoy traditsii. In: *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy*. Moskva: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN. pp. 99-105 (in Russian).
- Kosolobova E.V. (2000). Velikiy Aleksandr: istoriya odnogo mifa. In: *Aleksandr Velikiy v legendakh i issledovaniyakh Vostoka i Zapada*. Moskva: Aletya. pp. 7-18 (in Russian).
- Marjani Sh. (1897). *al-Qism al-awwal min kitab Mustafad al-akhbar fi akhwal Kazan va Bulghar*. Kazan: Tipografiya B.L. Dombrovskogo. (in Tatar).
- Marjani Sh. (2001). *Nazurat al-khaqq fi fardiyat al-'isba va in lam yaghib ash-shafaq*. Kazan: Iman. (in Tatar).
- Moslimi. (1999). *Tavarikh Bolghariya (Bolgar tarikhy)*. Kazan: Iman. (in Tatar).
- Piotrovskiy M.B. (1991). *Koranicheskie skazaniya*. Moskva: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury (in Russian).
- Salakhedinova M.A. (1994). Puteshestvie Ibn Fadlana i odin musul'manskiy obryad u volzhskikh bulgar. In: *Strany i narody Vostoka. Vyp. XXVIII. Geografiya. Etnografiya. Istoriya. Kul'tura*. SPb: Peterburgskoe vostokovedenie. pp. 173-178 (in Russian).
- Sherifi Kh. (1995). Zafer name-i vilayet-i Qazan. *Gasyrlar avazy-Ekho vekov*, 1, 83-92 (in Russian).
- Zakirova I.G. (2000). *Narodnoe tvorchestvo bulgarskogo perioda*. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Kazan (in Russian).